

ХЕЙЗЕЛ БЕК

перевод АЛЕКСЕЯ ЗАХАРОВА

КАК НЕ УМЕРЕТЬ В ХЭЛЛОУИН

фэнтези

МИОО

Хейзел Бек

Как не умереть в Хэллоуин

Серия «Red Violet. Больше чем магия»

Серия «МИФ Проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74450726

Как не умереть в Хэллоуин / Хейзел Бек: ООО «МИФ»; Москва; 2026

ISBN 9785002812677

Аннотация

Лекси Дарлинг всю жизнь пыталась убедить себя, что ее кошмары – это лишь плод воображения. До тех пор, пока вместе с братом-близнецом не приехала в маленький городок Мидас, чтобы получить в наследство магазинчик вязальных принадлежностей. Вскоре Лекси понимает, что ее сны связаны с тайной, которую город хранит вот уже двести лет. Когда в канун Хэллоуина тьма начинает пробуждаться, Лекси вместе с угрюмым владельцем закусочной Джеком Беллами должна найти ключ к спасению города. Но чем ближе разгадка, тем сложнее отличить кошмар от реальности...

Атмосферное хэллоуинское фэнтези о магии, семейных тайнах, медленном сближении и любви, рождающейся среди осенней тьмы.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Хейзел Бек

Как не умереть в Хэллоуин

Original title:
SOME KIND OF HAUNTED
Hazel Beck

На русском языке публикуется впервые

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

SOME KIND OF HAUNTED

Copyright 2026 by Megan Crane and Nicole Helm

Translation copyright © 2026 by Mann, Ivanov and Ferber.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises ULC.

This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events or locales is entirely coincidental.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

* * *

*Посвящается призракам, которые живут в вас
и хотят, чтобы вы их увидели*

Глава 1

– Рекомендую вам просто ехать на машине, – говорит мне ужасно скучающим тоном сотрудник авиалинии за стойкой.

Уровень его интереса к моим бедствиям явно намного ниже нуля, а моя ярость растет пропорционально его апатии. Я думаю, не перескочить ли через стойку. Или – это, наверное, реалистичнее и не привлечет внимания Министерства внутренней безопасности – положиться на свой острый, как рапира, ум, что причинит не меньше боли.

Брат окидывает меня суровым предупреждающим взглядом, потом опять смотрит в телефон. Он не просто старший (на целых три минуты) брат, а еще и юрист – и уже сумел предотвратить пару моих мелких вспышек гнева.

Но сейчас у него нет настроения что-либо предотвращать.

В общем, вариант «перескочить через стойку» кажется все более заманчивым.

Он не сводит глаз с телефона. Я вижу, что он строит на карте маршрут до нашего пункта назначения от Международного аэропорта Де-Мойна – потому что да, меня, Лекси Дарлинг, каким-то образом занесло в Де-Мойн.

В штат Айова.

В плоскую часть страны, над которой я обычно *пролетаю*, а не *прилетаю* в нее напрямую.

Скажем так, я совсем не мечтала здесь побывать. Особен-

но в Мидасе, штат Айова, куда мы бы вообще никогда и ни за что не поехали, если бы кое-кто не умер.

Я имею в виду бабушку. Мы ни разу в жизни с ней не встречались, на ее похороны нас не пригласили и о ней никогда не рассказывал отец.

Но она, как ни странно, упомянула нас в завещании.

Логан отрывается от телефона и изумленно таращится на сотрудника авиалинии.

– Отсюда до Мидаса – *четыре часа*.

Поскольку прямых рейсов нет ни до Мидаса, ни даже до ближайшего к нему аэропорта в Дубьюке – я об этих местах и не слышала до нынешней истории, – нам пришлось лететь в Де-Мойн, а оттуда уже пересаживаться на рейс до упомянутого Дубьюка.

И на пересадку мы опоздали. Признаюсь, произошедшее *в какой-то степени* – моя вина, ведь я отключилась еще в салоне, а если уж я сплю, то очень *крепко*. И когда наш самолет из Нью-Йорка приземлился, я двигалась, скажем так, не со скоростью света.

Логан весьма *красноречиво* умолчал о случившемся уже раз пятьдесят.

Что бесит куда больше, чем если бы он об этом пятьдесят раз напомнил.

– Примерно четыре часа, – соглашается сотрудник. – Именно поэтому я бы на вашем месте просто поехал на машине. Ближайший рейс до Дубьюка – только завтра. А отту-

да до Мидаса – все равно ехать. – Он пожимает плечами. – Могу вернуть вам деньги за билеты, на них вы возьмете напрокат машину и доберетесь до места. За рулем выйдет так или иначе дешевле.

Я не пойму, может, мы выглядим так, словно нам важна *дешевизна*? Логан смотрит на сотрудника со свирепостью, на которую способен только нью-йоркский юрист. Я хмурюсь как истинная ценительница «Прада».

Похоже, парень догадывается, что мы ждем от него какого-нибудь еще варианта.

– Или могу поменять дату на послезавтра.

– Вы сказали, что ближайший рейс завтра, – замечает Логан.

– Да, но все билеты проданы.

Проданы? Билеты с чертовых куличек к черту на рога?

– Вы всегда настолько...

Логан мешает моему первому – и, подозреваю, далеко не последнему – приступу гнева в этой поездке на Средний Запад прорваться наружу.

– Пожалуйста, верните деньги и подскажите, где можно взять автомобиль напрокат, – говорит он. Намного спокойнее, чем на самом деле себя ощущает.

Я послушно решаю не лезть. Пусть Логан во всем разберется. Я вообще замечательно умею давать другим во всем разбираться. Особенно в тех вещах, с которыми в принципе не хочу иметь дела.

Например, со всеми обитателями забытого богом аэропорта и с мыслью о том, что мы будем ехать *четыре часа*, однако будем находиться в пределах *Айовы*.

Я засовываю в уши наушники, чтобы заглушить шум. Пытаюсь найти внутренний центр равновесия – эту цель я ставлю перед собой уже не первый год, но достичь ее так и не удалось. Всеми силами стараюсь не дать себе совершить убийство.

Я иду вслед за Логаном и одновременно представляю себя деревянным домиком посреди пустоши.

Когда брат наконец выводит меня из аэропорта под холодный морозящий дождик, который выглядит еще ужаснее в этой *бескрайней пустоте*, в руке он держит ключи от автомобиля. Но, похоже, за машиной, которую мы взяли напрокат, придется еще и поохотиться.

Должно быть, именно так чувствовали себя первобытные люди, когда рылись в земле вокруг своих пещер в перерывах между охотой на мамонтов.

От возвращения в доисторическую эпоху я настолько взвинчена, что даже снимаю наушники.

– Я *не* поведу, – говорю я брату, дрожа от холода.

Ни одного такси, конечно, поблизости нет.

– Что, развалишься на пассажирском сиденье, как принцесса?

Я улыбаюсь. Предельно мило.

– Ты же работаешь в суде. Ты точно хочешь, чтобы я са-

дилась за руль без прав?

Он знает об этом, но предпочитает о вышеупомянутом факте забывать. Коренные ньюйоркцы (а нас с Логаном вполне можно назвать таковыми: семья переехала в город, когда нам и года не было) заморачиваются с получением прав только в одном случае: если собираются ездить на машине в загородный дом. Иначе зачем вообще париться? В Нью-Йорке иметь тачку вообще не нужно.

Ну, конечно, если вы не мой брат – он любит крутые игрушки.

– К тому же... – добавляю я, сильнее кутаясь в дутую зимнюю куртку, пока мы идем буквально по айовской *вечной мерзлоте*. Ну, ее еще называют «парковка». – Я тут только по одной причине. Ты сказал, я *должна* поехать с тобой, чтобы разобраться с идиотским завещанием. А значит, ты должен заботиться о своей сестренке.

Я пытаюсь соорудить невинное личико, но мои усилия идут коту под хвост: брат на меня даже не смотрит.

– Позаботиться о маленькой гремучей змеюшке, которая не умеет контролировать свой яд, – бормочет Логан и останавливается у машины, которая вроде как *наша*.

Когда он открывает багажник, я подталкиваю к нему свой набитый до отказа чемодан.

– Какой интересный фактик о змеях, – продолжаю я, глядя на него невинными, широко открытыми глазами. – С каких пор ты стал зоологом?

Он не отвечает — что для него большая редкость — и закидывает наши вещи в багажник.

Устраиваясь на пассажирском сиденье, я морщу нос. В салоне едва заметно пахнет плесенью и посильнее — еще чем-то, но этот запах мне, к счастью, неизвестен. Логан забирается на водительское место, точнее, сначала отодвигает кресло почти до предела и лишь после этого втискивает свое долговязое тело внутрь.

И вдруг мне приходит в голову внезапный и куда более важный вопрос:

— Стой. А *машину*-то ты когда в последний раз водил?

— С чего это тебя беспокоит? — бормочет Логан, засовывая ключ в замок зажигания и с интересом изучает приборную панель с кнопками и рычажками. Как будто он в свободное время подрабатывает инженером.

Но это же золотой солнечный мальчик Логан Дарлинг. Всеобщий любимец. У него все всегда идет как надо. В итоге, с такой легкостью, словно это его машина, а направляется он в родной город, брат выезжает из унылого аэропорта, а затем из так называемого города в обычную, пусть иногда и довольно колоритную, скажем так, пустыню.

Поле за полем. Изгиб в целом совершенно прямой дороги. Изредка появляются красные амбары. Они напоминают мне об идиллическом образе Среднего Запада на календарях массового производства, которые моя приемная мать — зубной врач вешает у себя в кабинете. Но больше всего у до-

роги старых, побитых жизнью домов. Слева и справа – поля, которые легко принять за заброшенные, если бы не ровные ряды засохших стеблей кукурузы.

– Я-то думала, бабушки должны любить внуков, – говорю я, обращаясь в равной степени к бесконечным полям и к Логану. – Даже тех, которых никогда не видели. За что она нас наказала?

– Она оставила нам личные вещи, дом и бизнес. – Логан достаивает меня взглядом.

Здесь, в глубинке, не особо *плотный трафик*, поэтому я даже не ругаю брата за то, что он не смотрит на дорогу. И не ору: «Не отвлекайся! Хочешь, чтобы мы сгинули?»

– К тому же тебя в определенной степени интересует пряжа.

Я хмурюсь. Не могу отрицать: меня действительно немножко интересует магазинчик вязальных принадлежностей, который бабушка нам оставила.

Однако пресловутым магазинчиком может оказаться что угодно. Куча унылой, уродливой пряжи в громоздких картонных коробках на замызганном складе. Или вдохновляющее путешествие по тактильному раю – с такими цветами и текстурами, что от них в обморок грохнуться можно.

В общем, действительно что угодно между двумя этими крайностями.

– Знаешь, нам повезет, если мы приедем и увидим, что здание еще стоит, – говорю я, когда мы проезжаем мимо

пустого, зияющего поля с полуразвалившимся амбаром или некой *сельскохозяйственной постройкой* посередине. Я напоминаю себе, что я дизайнер текстиля и могу буквально выпрясть золото из *любой* пряжи или нити, но, если рассуждать реалистично, магазинчик вязания в богом забытом городке вряд ли даст мне что-то, что не способен предоставить Нью-Йорк.

Крохотное зернышко надежды, которое шепчет мне, что меня, *вероятно*, ждет приятный сюрприз, постепенно исчезает. Мы проезжаем милю за милей, а вокруг нас просто ничего нет. Поля, поля и еще поля коричневой пустоты, выцветшие стебли, которые, наверное, когда-то были зелеными. Порой на холмиках виднеются деревья, они слегка разнообразят пейзаж осенними цветами – ржаво-коричневым и невероятным ярко-желтым.

Мы едем. Целую вечность. Логан подключает телефон к зарядке и находит очередной бесконечный подкаст какого-то финансового гуру, пока меня не начинает корежить от боли – нет, это, конечно, не настоящая физическая боль, но слушать, как *мужики* болтают без умолку, – реальное психическое насилие. Таковы плоды патриархии.

Логан совершенно мне не сочувствует.

– Если я за рулем, музыку выбираешь не ты.

Трагично, но справедливо. А я *не люблю* быть справедливой, особенно если это связано с Логаном, ведь мое истинное призвание – изводить его. Но нам ехать еще не один час,

и, *наверное*, мне все-таки стоит заткнуть уши наушниками и включить музыку погромче, чтобы заглушить мужские самовосхваляющие речи, которые всегда звучат как неоспоримые факты.

Я смотрю на пейзаж, раскинувшийся за окном далеко-далеко и еще дальше. Во всех направлениях – одни фермы. И быстро закатывающееся октябрьское солнце. Я *всем существом* ощущаю, как становится холоднее, когда оно опускается к горизонту. Я бы закрыла глаза и попыталась задремать, но у меня очень строгий режим сна. Если я не следуя ему до последней буквы (включая таблетку снотворного) – позже за это расплачиваюсь.

В частности, опозданием на самолет.

А еще мне обычно снятся кошмары, и мне совсем не хочется проблем – из-за этой голой, зловещей, бескрайней земли в сердце уже заползают червячки страха. Как будто сама пустота наполняется жуткими вещами, живущими в моей голове. Вот почему я живу в городе, где всегда шумно, а здания буквально лезут друг на друга.

Я даже не знаю, сколько миль и часов мы уже в пути, когда Логан съезжает с шоссе и останавливается у ветхой, едва освещенной заправки.

Я вытаскиваю наушник.

– Нам не нужно заправляться?

– Не нужно, но я не могу понять, куда дальше ехать.

Я это уже поняла, потому что брат то и дело хмуро вгля-

дывался в телефон.

– Может, сигнал плохой. А может, его просто не существует.

– Вау, Логан, это прямо очень ободряющая мысль в нескольких сотнях миль буквально от любой цивилизации.

– А еще я умираю от голода.

Я с сомнением гляжу на маленькое, приземистое здание, грязь со стен которого не отчищали, по-моему, лет пятьдесят. Оно буквально выглядит *липким*.

– И ты считаешь, что в этом заведении тебе предложат широкий выбор деликатесов?

Брат пожимает плечами. Мы оба понимаем, что он обязательно принесет в машину самую отвратительную придорожную пищу из всех, что ему удастся найти, и с радостью съест – словно в офис его юридической фирмы каждый день не доставляют блюда из знаменитых на весь мир нью-йоркских ресторанов. Мы до их пор любим вести себя так, будто нам десять лет, а не двадцать восемь.

– Хочешь чего-нибудь?

– Хочу ли я кишечную палочку с гепатитным салатом и заправкой из ботулизма? Пожалуй, я пас.

Я выигрываю очко в нашем вечном соревновании «кто кого перещеголяет»: Логан улыбается.

– Тебе решать. – Он вылезает из машины и идет к магазинчику.

А я сижу с одним наушником в ухе и наблюдаю за Логаном

через окно. Он уже заводит дружелюбный разговор с кем-то, кого с моего места не видно.

Логан Дарлинг обладает необъяснимой способностью найти собеседника, куда бы ни попал, – даже в здешнем пригороде ада. Я сильнее вжимаюсь в сиденье, жалея себя.

Обычно у меня это получается замечательно, но сейчас я ощущаю тревожное покалывание в затылке. Я потираю шею, но покалывать начинает еще сильнее. Я нажимаю кнопку блокировки двери. А потом – шею все еще покалывает – обвожу взглядом тусклую парковку.

Никого больше нет, не считая транспортного средства возле бензоколонки. Я говорю «*транспортное средство*», поскольку, если честно, даже не представляю, что это такое. Определенно не трактор – хотя, конечно, меня трудно назвать экспертом по сельскохозяйственному оборудованию. Но оно не похоже ни на одну фотографию *глубинки* из тех, что я видела. Четыре здоровенных колеса – но руль смахивает на мотоциклетный.

Я смотрю на него, и вдруг из ниоткуда появляется человек – судя по всему, водитель...

Я тихо вскрикиваю, не в силах сдержаться – хотя мой ум с опозданием включается и убеждает меня, что мужик, вероятно, просто стоял с другой стороны обшарпанной бензоколонки. Прежде чем забраться в драндулет, он выплевывает целый поток коричневой жидкости прямо на асфальт. Его джинсы выглядят так, словно он их не снимал лет десять,

а потрепанная футболка примерно такого же коричневого цвета, как и жидкость, хотя я с тошнотой, подкатывающей к горлу, понимаю, что когда-то она была белой. Волосы длинной до подбородка и всклокочены. Ему явно отчаянно требуется поход в душ.

Мужчина поднимает глаза, и мы, к сожалению, встречаемся взглядами. Он подносит пальцы ко лбу, салютуя. Жест вроде бы дружелюбный, но потом он улыбается, и на мгновение – всего лишь на крохотную долю секунды – мне чудится, что между отсутствующими зубами высовывается раздвоенный язык.

Я моргаю, язык исчезает. А потом драндулет с ревом уезжает, и я тяжело дышу. В машине почему-то становится очень жарко. Желудок пытается описать кульбит, но я успокаиваю его ровным дыханием, напоминая себе, что мы здесь – на несколько дней.

Как замечательно. И двадцати четырех часов не прошло с тех пор, как меня выдернули из привычной жизни, а я уже на куски разваливаюсь.

Почти разваливаюсь, поправляюсь я.

Если внутри меня творится безумие, это не означает, что я должна вести себя как сумасшедшая. Возможно, вам такая мантра не очень понравится, но мне она помогает. Я повторяю ее несколько раз и пытаюсь усесться поудобнее.

У меня – ночные кошмары, которые иногда называют ночными *ужасами*, а еще я иногда вижу всякое. У вышепере-

численного есть клинические названия, *диагнозы*, которые серьезным тоном обсуждают неприятного вида врачи, но я предпочитаю менее клинический подход. Вариант с психушкой всегда казался мне крайне нежелательным.

Вайб несколько не тот.

Поэтому я говорю себе, что поездка в эту дыру для меня просто в новинку, вот и все. Я в конце концов привыкну. А если нет, пару или тройку дней точно продержусь.

Наверное.

Глава 2

Логан садится в машину и протягивает мне банку с газировкой, но я не могу отвести взгляд от того, что он держит в другой руке.

Я знала, что он выберет что-нибудь отвратительное, но...

– Ты же не будешь это есть?

Брат подносит ломоть пиццы ко рту и откусывает большой кусок.

– Вкуснятина.

Пицца лежит на маленькой тарелке из хлипкого картона, словно ее выложили туда просто *отстояться*. Подозреваю, она вяло грелась под тепловой лампой, как на экспериментах по биологии в девятом классе.

– Ты отравишься и умрешь. Пицца с заправки? – Я показываю на грязное здание. – Вот с *этой вот*?

Логан самодовольно ухмыляется – в моем голосе звучит искреннее беспокойство, поэтому теперь очки по «перещеголянию» уходят ему.

– Я же сказал, что голоден. А пицца на удивление хороша. Хочешь кусочек?

– Нет! Я собираюсь дожить до нашего следующего дня рождения.

– Как хочешь. – Он быстро доедает пиццу и вытирает руки салфеткой, которую тоже принес с собой.

А потом протягивает тарелку и салфетку мне, словно я его личная мусорка.

Но я знаю, что, если сейчас ничего не возьму, он кинет заляпанный жиром мусор на подлокотник между сиденьями. И мне придется всю оставшуюся поездку наслаждаться ароматом разогретого сырого хлеба и жареного дешевого сыра. Я беру чистую салфетку и использую ее в качестве барьера между моими пальцами и его бумажными отходами.

Брат подъезжает к незанятой стороне бензоколонки, где жужжат мухи и зияет пасть мусорного бака. Он вроде бы не настолько большой, чтобы в нем мог целиком уместиться отвратительный мужик со странным языком и щербатой улыбкой, – но сейчас об этом думать нельзя. Затаив дыхание, я выхожу из салона и выкидываю тарелку, перепачканную жиром, а Логан... намеревается заправить машину.

Я ни разу не видела, чтобы он лично марал руки, занимаясь чем-то подобным, – он утверждал, что ему проще доехать из Нью-Йорка до Нью-Джерси, где заправки исключительно с полным обслуживанием. Но это же Логан, он уже родился человеком *знающим*. Ему все дается легко.

Я бы на самом деле куда больше злилась, если бы его свойство частенько мне не пригождалось.

Он заполняет бак, и мы снова едем. Работник заправки просветил Логана насчет маршрута, который отказывался показывать телефон, и вдобавок дал непрошенный совет по поводу открывшегося сезона охоты с луком и стрелами.

Странноватый разговор.

– Значит, он посмотрел на тебя, единственного человека в радиусе трехсот миль, – ну, я наугад сказала, – одетого в «Армани», и подумал: «О, точно. Парень определенно умеет стрелять из лука»?

Логан ухмыляется.

– Если люди видят то, что хотят видеть, я не могу ничего поделать, Лекси.

У меня урчит в животе, и я знаю, что брат слышит, но я не собираюсь жалеть о том, что проигнорировала заправочную пиццу.

– Почти приехали, – говорит Логан спустя целую вечность.

Я молчу. Нас окружает непроницаемая темнота, в которой лишь изредка виднеются отдельные огоньки. Фары внезапно выхватывают фермерский домик на пологом холме. Различаю намек на дорогу, которая куда-то, к чему-то ведет. А теперь фары освещают рощицы – деревья выглядят зловеще, словно что-то скрывают.

Но вскоре я замечаю вдалеке новые огни. Там городок! Какое облегчение! Я уже начинала себе представлять, что наш так называемый магазинчик вязания и якобы *дом* стоят полуразваленные посреди огромного поля и окружены кучей всяких *сельскохозяйственных штук*. И я даже всерьез задумалась о том, что термин «аллея торнадо»¹ надо пони-

¹ Отсылка к территориям США, наиболее подверженным торнадо; приблизи-

мать буквальнее, чем мне казалось: дескать, торнадо постоянно проносятся по штату, оставляя за собой разрушения, и именно поэтому пространство вокруг настолько пустынное и необжитое.

В общем, городок, для освещения которого нужно больше одного фонаря, выглядит небезнадежно.

Но прежде чем мы успеваем доехать до него, дорога резко меняется.

Земля вокруг уже не плоская – мы несемся под горку, и мой желудок подскакивает к горлу. Дорога сужается, а на полпути вниз вдруг вырастает огромная толстенная стена, обвешанная яркими лампами вроде прожекторов; она настолько неуместно выглядит на фоне ряда домов и крутой улочки по ту сторону, что я даже не понимаю, зачем она здесь в принципе.

Особенно учитывая, что она смахивает на ворота для великанов. Стена возвышается над нами, построена она из толстых, тяжелых, незыблемых с виду булыжников. Но еще на ней видны петли, значит, ворота явно *могут* закрываться: наверное, на тот маловероятный случай, если кому-то захочется отделить от внешнего мира городок Черт-Знает-Где, штат Айова?

Я отмахиваюсь от этой мысли и от слабого, но назойливого чувства тревоги, и сосредотачиваю взгляд на высоких,

тельное расположение – между Скалистыми горами и горной цепью Аппалачи. Здесь и далее прим. ред.

тонких кирпичных зданиях по обе стороны от единственной улицы. Почти во всех окнах темно. Лишь в некоторых, на втором этаже, горит свет, зато фонари, в отличие от тех прожекторов, – редкие и тусклые; однако освещения как раз достаточно, чтобы короткими перебежками двигаться от одного к другому. Если, конечно, ты вообще захочешь выходить наружу.

Весь остальной город – ведь мы находимся именно там – сливается в одну неразрывную завесу тайны.

Жутковатой тайны – но вслух я ничего не произношу, а то вдруг Логан согласится.

Возможно, давящая тьма меня усыпила. Я, должно быть, сплю, я *определенно* уснула и очутилась в одном из своих кошмаров.

Это, конечно же, кошмарный сон, несмотря на то что я сижу в душной машине, одетая в одежду, в которой вылетела из Нью-Йорка, направляясь бог знает куда. Невзирая на то, что все кажется точно таким же, как секунду назад, и я не помню, чтобы вообще засыпала.

Ведь дорога впереди – узкая и крутая, – и ведет она к высокому, крепкому обелиску, который еще и сияет. Я быстро понимаю, что снизу его подсвечивают прожектора. А сверху на нас таращится черно-золотой циферблат часов.

Ощущение такое, словно по моим кровеносным сосудам ползает полчище мошек.

Я смотрю на Логана, он ворчит, что телефон не работает.

Шею начинает покалывать от страха, как будто в кожу тычут острые ногти. Я не могу нормально вдохнуть, грудь сдавило, как в те моменты, когда я пытаюсь проснуться, но не могу.

«Это сон. Точно».

Я зажмуриваюсь и представляю, как трясусь за плечо, чтобы очнуться. Это совершенно неизвестное место. У меня не может быть *чувств*, связанных с башенными часами в странном городке, в котором я никогда раньше не бывала.

Хотя чувства есть.

Я открываю глаза, но ничего не меняется. Логан по-прежнему ругается, потому что телефон перестал ловить сеть, как только мы въехали в город, но я не могу отвести взгляд от башенных часов.

Такое чувство, что они таращатся на меня. Золотые цифры – прямо как глаза. Или что-нибудь похуже.

«Не носи ерунды, – думаю я. – Ты просто уснула, не выполнив программу. Тебе чуть не приснился странный сон. А теперь ты проснулась и контролируешь ситуацию».

Если внутри меня творится безумие, это не означает, что я должна вести себя как сумасшедшая.

– И что мне, черт возьми, делать, если я не могу никому позвонить? – продолжает ворчать Логан.

Он реально думает, что Земля вращается исключительно потому, что он прикован к своему мобильному телефону такой же цепью, как собака, которую я мельком увидела во дворе дома на полпути к вершине этого холма, – она смотре-

ла на нас с таким видом, словно предупреждать о чем-либо уже не имеет смысла.

Через мгновение брат поднимает голову и присвистывает.

– Для чего в маленьком городке нужны гигантские башенные часы?

«*Ни для чего хорошего*», – коварно шепчет мой внутренний голос.

Но я знаю, что вслух ничего подобного лучше не произносить.

Логан останавливается на одном из многочисленных парковочных мест на главной улице – часовая башня по-прежнему высится над нами – и едва заметно хмурится.

– А вот и магазинчик вязания, – говорит он, показывая на зданьице, которое на первый взгляд ничем не отличается от других сооружений вокруг. – Но дом-то, блин, где? – Он берет в руки телефон и хмурится сильнее.

Мне нужно внимательно рассмотреть каждую морщинку на его лице, иначе я опять уставлюсь на часовую башню и *заору*. Как в кошмаре, в котором я каким-то образом застряла, даже не засыпая.

Конечно, здание и не может мне навредить, но, знаете ли, женщинам, чтобы выжить в этом мире, нужно доверять внутреннему чутью. А интуиция твердит мне, что здесь *небезопасно*.

Но башенные часы – это не странный мужик с раздвоенным языком, появившийся из ниоткуда, поэтому, стиснув зу-

бы, осторожно озираюсь. Одни сплошные тени и темные окна. Уличные фонари горят, но слишком слабо. Как вообще убедиться, что в призрачных домах действительно живут люди, а не лежат гниющие трупы?

Яркий циферблат башенных часов отражается в окне на другой стороне улицы, стекло слегка искривляет его форму. На долю секунды – клянусь – я вижу в окне лицо, освещенное светом башни.

Лицо мужчины. Точеное, напряженное и...

Оно исчезает. Я уже готова закричать. Кто-то за нами наблюдает. Из окна. Кто-то...

«Или у тебя опять разыгралось воображение, Лекси».

Ведь и в темном магазинчике, да и вообще на этой улице, явно ничего не происходит. А поскольку из-за своего *разыгравшегося воображения* я уже не раз привлекала к себе излишнее внимание, я вспоминаю рекомендацию психотерапевта: ровно дышать, чтобы бороться с паникой.

И держать сумасшествие внутри, где ему – самое место.

Ночью городок Мидас, штат Айова, выглядит так, словно тут и впрямь никто не живет, но почему-то мне кажется, что душераздирающие вопли все же вызовут *чей-нибудь* интерес. И мне, бесспорно, понадобилось на это довольно много времени, примерно двадцать восемь лет, но в итоге я научилась избегать подобного внимания к своей персоне.

«Если только душераздирающие вопли по ночам здесь не обычное дело».

Я вздрагиваю от новой мысли и начинаю считать про себя, чтобы прогнать ее.

«Раз, два, три, все нормально. Раз, два, три, твое воображение не может тебе навредить».

— По-прежнему не ловит, — бормочет Logan и раздраженно тыкает пальцем в телефон. Щурясь, брат смотрит куда-то в темноту. — Сиди на месте. — А потом он тянется к двери, собираясь выйти из автомобиля.

Обычно, если Logan мне что-то говорит, я сразу же делаю прямо противоположное, но сейчас я совершенно не собираюсь вылезать из заплесневелой машины, чтобы встретиться лицом к лицу с башенными часами, с человеком в окне или с прочими ужасами, которые — я *точно* знаю — существуют только у меня в голове.

Поэтому я *не шевелюсь*, пока брат роется в багажнике. Возвращается он с папкой для документов. Именно ее прислал нам бабушкин адвокат. В ней лежат важные юридические материалы, которые внимательно изучил Logan, а также ключи от дома. И полагаю, от магазинчика тоже.

Logan достает несколько бумаг и перечитывает их. Он так спокойно сидит в салоне с открытой дверью и включенным внутренним освещением, словно специально старается привлечь к нам грабителей (или еще кого похуже), которые прячутся поблизости. Например, в этой жуткой часовой башне.

— За магазинчиком вязания, — говорит брат через некоторое время, словно это ответ на все наши молитвы. А затем

привстает, собираясь снова вылезти из машины.

– Ты куда? – шиплю я.

– Зайду за магазинчик вязания и посмотрю, где нам сегодня ночевать.

– А почему мы не можем поселиться в гостинице? – резко спрашиваю я, хотя отлично понимаю почему. – Как нормальные люди?

Единственное место, хоть сколько-нибудь близкое к центру Мидаса, где оставались хоть какие-то свободные комнаты (в остальных заведениях все было раскуплено, по причинам, которые я никогда не пойму, особенно сейчас, когда увидела городок воочию), – мотель с почасовой оплатой, притулившийся у шоссе.

Я никогда не ночевала в мотелях. И совершенно не собираюсь жертвовать своей удачей и хорошим вкусом.

Логан знает, что на риторические вопросы отвечать не надо.

– Давай. Адвокат заверил, что дом в хорошем состоянии.

– Ну да, потому что адвокаты никогда не врут.

Брат сердито смотрит на меня, и даже становится немного легче. Но я качаю головой. Я *не* вылезу из машины.

Точнее, я не совсем уверена, что в принципе смогу. Кажется, меня накрепко приварили к сиденью. Паника – липкое чувство.

– Лекси, – добавляет брат так мягко, что я чувствую: теперь для меня собраться и справиться – дело чести. – Я обо-

гну магазинчик и загляну в дом. А ты можешь идти со мной или остаться здесь.

Я складываю руки на груди и таращусь вперед, но там высится часовая башня, и... если быть честной, в любой другой день я бы предпочла *умереть*, лишь бы не делать то, о чем просит Логан, чисто из принципа, но в ту же секунду, как он закрывает дверь и оставляет меня одну, я выскакиваю из салона.

Брат вытаскивает из багажника свои пожитки и мой чемодан. Я подпрыгиваю на целый фут, когда крышка захлопывается. И хотя это как раз было ожидаемо, я снова подпрыгиваю – от писка машины, когда Логан запирает ее и включает сигнализацию.

Даже не сказав мне «*Так и думал*», брат подталкивает ко мне чемодан. И уходит.

В тень.

В темноту.

Глава 3

Я торопливо нагоняю его, поскольку боюсь за Логана не меньше, чем за себя. Мы не должны так делать. Не должны *дарить себя* ночи. Точно не здесь.

Я даже не спрашиваю себя, почему думаю таким образом, да еще и настолько решительно.

Сомнений никаких просто-напросто нет, потому что он ведет меня прямо к улочке.

К темной улочке между высокими, стоящими тесно друг к другу зданиями.

Я останавливаюсь у зева проулка, вымощенного битым кирпичом. Дальше – ни шагу. Что хуже: часовая башня, лицо в окне или стереотипный темный проулок, где с женщиной никогда не случится ничего хорошего, даже если она одета не в короткую юбку? Паника сдавливает горло. Я не могу дышать. Не могу...

Но Логан хватается меня за локоть и тащит за собой.

А идти *за ним* лучше, чем дать страху сожрать меня заживо, поэтому я не сопротивляюсь, хотя темная улочка наверняка полна опасностей. Я бы на самом деле предпочла прогуляться по какому-нибудь из неблагополучных кварталов Бронкса, чем здесь, но Логан по-прежнему тащит меня за собой, нравится мне это или нет. Я вижу, как что-то блестит, и убеждаю себя, что вижу стекло, а не *глаза*. Пинаю

ногой что-то шершавое и говорю себе, что отбросила в сторону упаковку местной еды, а не что-то ужасное типа человеческой кожи.

Я уговариваю себя, что *уютный проулок* и впрямь *очаровательный*, хотя он заманивает и буквально стискивает нас на ходу...

«*Чушь*», — перебиваю я себя.

А потом мы выбираемся из проулка, и я снова могу дышать. Здесь, конечно, тоже темно, но вокруг хотя бы больше пространства, чем в тесном проходе между кирпичными зданиями, где полным-полно плохих флюидов.

Я отдергиваю руку, отхожу от Логана и тяжело опираюсь на ручку чемодана на колесиках. Удобно ли будет им воспользоваться в качестве оружия, возможно, даже против моего брата-близнеца? Но прежде чем я успеваю приподнять багаж и замахнуться, понимаю, что не вижу башенные часы. Магазины вязания и то, что пристроено к нему сверху, находятся как раз под нужным углом, чтобы скрыть их из виду.

Облегчение настолько сильное, что у меня дрожат колени. Я пытаюсь сосредоточить взгляд на доме, расположившемся позади магазинчика и отделенном от него поросшим травой двориком. Темнота в городке густая и тяжелая, но неподалеку высится столб с сигнальной лампой, свет которой дает примерное представление о размере и форме сооружения. И, собственно, подтверждает, что это на самом деле дом.

Но он крохотный. Причем настолько, что я даже не понимаю, как он вообще стоит.

В темноте двор кажется заросшим и угрожающим. Наверное, прежде здесь аккуратно подстригали газон, но теперь благоустройством территории явно давно не занимаются. Я предполагаю, что нам ничего не угрожает, хотя в тусклом свете невозможно понять, не прячется ли кто-нибудь в здешних зарослях.

Логан уверенно идет к двери. Он, похоже, не замечает пары маленьких светящихся глазок в траве – и на сей раз это определенно глаза, а не стекло. У меня сдавливает горло. Я останавливаюсь как вкопанная.

Глаза светятся, потом моргают, и...

Очевидно, я издала какой-то звук, потому что Логан оборачивается на меня. Брат тяжело вздыхает, словно всю жизнь с трудом выносил мою паранойю.

Хотя, по сути, так оно и было.

– Какой-то китчевый садовый гном, Лекс. Выглядит жутковато, сигнальная лампа освещает его под странным углом, – говорит он мягко.

Спокойный тон его голоса заставляет меня торопливо двинуться следом и подняться по двум раскрошившимся бетонным ступенькам на маленькое темное крыльцо, хотя я *не хочу* заходить в дом и вообще находиться здесь.

Брат вставляет ключ в замок и поворачивает дверную ручку.

– Дом, милый дом, – хмыкает он.

Я всей душой надеюсь, что это сарказм.

Брат переступает порог, щелкает выключателем, который находит, как обычно, на удивление легко, и слабый свет проникает во двор. Зато темнота, царящая за границей участка, становится удушающей, поэтому я торопливо захожу в дом. Неохотно, но быстро перешагиваю отметину, оставшуюся от дверного коврика, – сейчас здесь уже ничего подобного нет.

Я не знаю, чего ждать, но, по крайней мере, закрыв за собой входную дверь, уже не чувствую, как по коже ползает темнота, поэтому, можно сказать, мне тут даже нравится.

Мы стоим в гостиной. Вокруг старая, потертая мебель и на удивление яркие цветные ковры. Я тотчас понимаю, что это самодельные тряпичные коврики, – помню, сама пыталась такие делать во время одного из прискорбных периодов обучения текстильному делу. Зато эти выглядят неожиданно интересно, просто безупречно.

Не знаю, можно ли обстановку назвать *старушечьей*, но все выглядит действительно немного... староватым. Пахнет цитрусовым средством для уборки, хотя мебель уже покрылась тонким слоем пыли. Наверняка, пока здесь жили, в доме всегда было чисто прибрано. Вещи несут на себе печать времени, а не небрежного обращения.

Я собираюсь повнимательнее изучить обстановку и застываю прямо посередине уютной, хоть и тесноватой гостиной. Ведь на каминной полке выстроились фотографии в рамках

разной формы и размеров. И они вызывают у меня оторопь.

Это мы. Логан и я в разные годы. Школьные фотки, кадры из жизни, есть даже снимки, которых я, по-моему, вообще никогда не видела.

Мы не знали о бабушке, однако она знала о нас. А отец явно долгие годы общался с ней довольно часто, но скрывал этот факт от родных. Потому что откуда ей еще было взять фотографии?

Я подхожу ближе и обнаруживаю, что на снимках запечатлены не только мы. Вот черно-белое изображение двух почти неотличимых друг от дружки женщин, которые держатся за руки и улыбаются в камеру. Они тепло одеты – похоже, фотографировали их зимой. На соседнем фото молодая незнакомка в современной одежде позировует возле старомодного самолета.

А вот и улыбающаяся девушка за прилавком – она держит в руках вязальные спицы.

– Должно быть, это магазин, – бурчит Логан, приблизившись ко мне.

Брат забирает у меня фотографию, которую я успела взять с полки, и хмуро ее разглядывает.

Но меня не беспокоит его внезапно проснувшийся интерес к магазинчику пряжи – обычно он о таких вещах вообще не задумывается, – поскольку я вижу фото нашего папы, молодого и красивого. А рядом – свадебный снимок, на котором отец стоит рядом с невестой, несомненно, нашей мамой.

Я уже видела этот момент с другого ракурса – наши родители в свадебных нарядах смотрят друг на друга с сияющими улыбками. У папы есть похожая фотография, которую он никогда не выставляет, но в разные годы я находила ее в то ящике стола, то в отсеке шкафа. И конечно же, сразу узнавала.

Мама умерла при родах. Папа любил ее, ему понадобилось восемнадцать лет, чтобы хотя бы *задуматься* о личной жизни. Он говорил о ней, но редко. Показывал нам ее снимки, но, как я уже говорила, не выставлял их на всеобщее обозрение.

Вероятно, таким образом он пытался хоть как-то познать нас с ней, но, по-моему, ему было от этого слишком больно.

А еще больнее ему наверняка из-за того, что *мы* ничего подобного не испытываем.

Нам с Логаном бывает больно, когда нам напоминают, что у нас нет матери *как таковой*. Но именно по *нашей* маме мы не тоскуем. И так было всегда.

В общем, я чувствую себя очень странно, увидев наши *семейные фото* в доме у женщины, которую я никогда не видела и о которой отец никогда не рассказывал.

Бабушка еще совсем недавно была *жива*. Она была хозяйкой крохотного домика и знала о нас всю подноготную.

– Я думала, тут был полный разрыв отношений, – говорю я Логану, который сжимает в руке снимок, на котором запе-

чатлена девушка с вязальными спицами, но в шоке смотрит на другое фото.

Его сделали, когда нам было десять лет: мы стоим спина к спине, одетые в одинаковую одежду, словно для какого-то кринжового эпизода в плохом комедийном сериале. А рядом двойная рамка: с одной стороны – фотка Логана с выпускного на юридическом факультете, с другой – моя первая дизайнерская выставка.

– Откуда же у нее снимки, если ей их не отсылал папа? – продолжаю допытываться я.

– Понятия не имею. Нам ведь неизвестно, когда именно они перестали общаться.

– Здесь целый архив. Он *ни слова* о ней не говорил, Логан. И не хотел, чтобы мы сюда ехали.

Отец никогда не *запрещал* нам что-либо делать. Мы, естественно, уже давно выросли, но он всегда с радостью разрешал нам творить что угодно.

Однако поездку сюда он не одобрил. Даже когда Логан объяснил отцу, что с юридической точки зрения мы несем ответственность за все, что находится в доме, включая и личные вещи покойной. А также – почти за половину магазинчика вязания. Суть в том, что наша таинственная бабушка завещала заведение не только нам, но и еще двум людям: женщине, до сих пор работающей в магазине, и нашей троюродной сестре или как там бишь ее...

Я начинаю паниковать – далеко не в первый раз после то-

го, как до нас дошли новости о загадочной бабушке.

– Слушай, вот эта наша троюродная сестра... Она с папиной стороны или с маминой? Мама была *отсюда*?

– Не знаю. Я хотел разобраться, но папа ничего не рассказывал, а мне хватало забот с юридической частью, чтобы еще и это искать самому. И не забывай, мне еще и отпуск обговаривать пришлось.

– Надо было разобраться, прежде чем приезжать сюда. Надо...

– Отложим до завтра, когда встретимся с ними.

Логан всегда уверен, что *разберется*. Он не прожил целую жизнь, не имея возможности уснуть самостоятельно. И он не слышал никаких *темных голосов* в голове, хотя я всегда подозревала, это просто потому, что у него есть я и я отдуваюсь за нас двоих.

У Логана Дарлинга все всегда идет гладко.

Если бы я его не любила, определенно ненавидела бы.

– Ну а пока, – добавляет он и очень аккуратно ставит фото обратно на каминную полку, – я хочу поспать примерно часов десять.

Я недоверчиво озираюсь.

– Где?

Брат пожимает плечами, и мы продолжаем исследовать дом. Рядом с гостиной, в задней части здания, мы находим компактную кухоньку примерно с такой же атмосферой. Тесная, уютная, заставленная чем попало, но... не *старушечья*.

Не *ужасно* отвратительная.

Мы возвращаемся в гостиную и обнаруживаем короткий коридорчик. В нем видна одна-единственная дверь. Логан толкает ее.

Это единственная, кроме гостиной, комната в доме – спальня с крохотной отдельной ванной.

Мы с Логаном таращимся на одинокую кровать в середине комнаты. Хотя нет, это не *одинокая* кровать, а две двойные кровати, приставленные друг к другу.

– Тут не слишком комфортно, – констатирует брат.

– Я не собираюсь спать с тобой в одной комнате, – одновременно с ним выпаливаю я.

– Здесь две кровати, – замечает Логан. – Причем они буквально называются «*кровати-близнецы*», Лекс.

Я пожимаю плечами:

– Ну, не повезло тебе, братик. Я была готова отпустить тебя сюда одного. Как раз *ты* настоял, чтобы я сюда приехала. А это значит, что я сплю на кровати, а ты – на диване.

– Я размером вдвое больше дивана.

– Ты же где угодно можешь спать. С самого детства хвастался.

Я иду в гостиную, а потом забираю чемодан, стоящий у входной двери (для этого пришлось сделать целых три шага), и докатываю его до угла спальной комнатнушки. А затем, несмотря на опасения из-за монстров, которые могут прятаться под кроватью, я растягиваюсь на ней во весь рост.

Логан разглядывает меня своим характерным *адвокатским* прищуром.

– Берегись мышей, – говорит он и неспешно выходит из спальни.

Глава 4

Я не двигаюсь, пока не убеждаюсь, что Логан действительно ретировался в гостиную. Я слышу, как старый диван стонет, когда брат присаживается на него. Затем вскакиваю с кровати и откидываю покрывало. Я *не хочу* найти там мышиное гнездо, я *должна* знать, что его там нет.

Убедившись, что кровать чистая, – она даже *пахнет* чистотой, что в нынешней ситуации кажется настоящим чудом, – я открываю чемодан и достаю из него все необходимое для ночного ритуала.

Раскладываю по бортикам ванны, в которую едва удалось втиснуться, средства для ухода за кожей. Туалетный столик, унитаз и сама ванна стоят так близко друг к другу, что я вообще не понимаю, как ими можно пользоваться. Я выполняю двенадцать успокаивающих, уравнивающих упражнений, разработанных вместе с моим психотерапевтом, потом бьюти-процедуры – девушке надо за собой ухаживать, даже если с головой у нее в порядке далеко не все, – и смотрюсь в пыльное зеркало.

– Я спокойна. Я безмятежна. Я буду спать спокойно и безмятежно.

Вот моя мантра перед сном, и она хорошо мне служит. Некоторые люди для эмоциональной поддержки заводят питомцев. Но мантры более универсальны, причем их не надо

кормить и выгуливать. Я безмолвно повторяю слова, возвращаясь в спальню. Меняю наволочки на кровати на свои, с запахом лаванды.

«Я спокойна. Я безмятежна. Я буду спать спокойно и безмятежно».

Размышляю, стоит ли принять снотворное – это последний шаг программы. Обычно я о подобном даже не задумываюсь, но в новом, незнакомом месте совсем не хочется отключать мозг. В каждой тени прячется опасность, снаружи – удушающая темнота, да еще и зловещая часовая башня.

Наверное, это не *настоящая* опасность: как обычно, у меня все проблемы в голове, но иногда мне никак не удается себя убедить, что на самом деле существует, а что – нет.

Я перестилаю кровать и укладываюсь. Покрывало шершавое, на удивление теплое и приятно-увесистое. Мой нос холодный, но я *жутко устала...*

И похоже, я быстро отключилась, потому что вскоре мне кажется, что я не сплю.

Но я не в доме.

«Значит, я все-таки вижу сон».

Я иду по улице – и она выглядит в точности как та, по которой мы сегодня ехали на машине. Узкие, настороженные дома, удушающая тьма. Я направляюсь к часовой башне.

Часы светятся, словно маяк, и я безвольно шагаю прямо к ним, не в силах остановиться. Босиком. Мне холодно.

Так холодно.

Я не могу оторвать глаз от башенных часов – и, конечно же, с жутким чувством неизбежности и ужаса вижу, как на гладкой колонне появляется первая трещина.

А потом слышится тихий треск. Я вздрагиваю на ходу.
«Я не хочу туда. Я не хочу туда».

Пытаюсь сказать это вслух, но не могу. Я могу только двигаться вперед, к неминуемой гибели.

Я знаю, что именно она меня ждет, ведь раньше мне уже снился этот сон.

Тот самый, который терзал меня в детстве ночь за ночью, пока отец не отвел меня к специалистам. Пока я не разработала *программу*.

Снова треск, теперь громче. Башня начинает разваливаться с середины, и я чувствую себя замороженной целиком, однако не сбавляю шаг. А в ночь вырывается первый клочок блестящей, тошнотворной *непроглядной черноты*.

«Раз, два, три, все нормально. Раз, два, три, твое воображение не может тебе навредить».

Горло болит от застрявшего в нем крика.

Грудь распирает от накопившихся всхлипов.

Попытки дышать *не* помогают. У меня нет выбора, и я смотрю на *черноту*. Склизкую, неотвратимо приближающуюся.

У черноты из трещины в часах есть глаза.

И я знаю, что они таращатся прямо на меня.

А потом их становится целый миллион – они вырываются

наружу и расползаются по ждущей, гостеприимной темноте ночи. На какое-то мгновение я слышу только *ползущий* звук. Хочется убедить себя, что улавливаю шум ветра в кронах деревьев, но я знаю, что это не так.

О, как бы мне хотелось ничего не знать!

А затем начинаются ужасные, тошнотворные *сосущие* звуки. Я слышу вдалеке крики.

Они едят.

И я *почти* уверена: я точно знаю, что они едят. Это настолько ужасно, что желудок сдавливает, а к горлу подкатывает...

– Лекс! – Голос Логана.

Мне удастся оторвать взгляд от башни, но позади меня – все черным-черно.

Может быть, я и сама уже полна этой черноты, словно яда...

Я чувствую руки Логана на своих плечах. Моргаю и открываю глаза, хотя мне казалось, что они не закрыты. Меня окружает свет круглой, расписанной вручную лампы. Я – в теплой комнате.

Я дезориентирована.

Я проснулась от кошмара – *аллилуйя*, – но... я не в постели. Правда, я не стою под разваливающейся часовой башней, что радует. Но я нахожусь в гостиной и не понимаю, как сюда попала.

Я смотрю на Логана и промаргиваюсь. Брат мрачен.

А вот это совсем не радует. Мой брат обычно сияет ярче солнца.

– Замечательно, – умудряюсь я прохрипеть пересохшим горлом. – Одна ночь в захолустном штате, и у меня уже *лунатизм*.

«Хуже не бывает», – говорю я себе.

А вот и нет. Я отлично помню, что мне снилась часовая башня. И не раз.

Задолго до того, как мы прилетели в Айову.

Глава 5

Я тащусь в спальню, снова выполняю весь свой ритуал и принимаю чертову таблетку. Я сплю урывками, но, по крайней мере, без сновидений. А когда меня будит солнечный свет, пробивающийся через пыльное окошко душевой комнаты, я понимаю, что больше никуда не ходила.

Слава богу.

Программа *работает*. То, что произошло ночью, – явно следствие лунатизма, а хожу во сне я только тогда, когда *не* выполняю программу. Просто абсурд. Я почему-то была уверена, что мне снился какой-то жутковатый городок еще до того, как я здесь очутилась.

Просто так работает мой поломанный мозг. Я *знаю* это, и я уже достаточно долго прожила с плохо работающей головой. Я понимаю, настолько глупо... *паниковать* из-за очередного приступа.

Если я буду соблюдать программу, использовать механизмы преодоления, то смогу функционировать как *нормальный* человек. Вот важный, усвоенный тяжким трудом жизненный урок, и я не могу его забыть просто потому, что приехала в новое, незнакомое место.

При виде солнечного света и комков пыли воспоминания о том, что произошло накануне, кажутся смешными – вплоть до жутких лиц и пугающих переулков.

Я встаю с кровати и плетусь в гостиную. На диване лежат аккуратно свернутое одеяло и подушка, а Логана нет. Но поскольку домик настолько крохотный, что я даже, образно говоря, руку спокойно вперед вытянуть не могу, я быстро замечаю, что он сидит за столом на кухне, в которой, *возможно*, поместятся два человека.

Брат разложил на столе юридические документы, полученные от бабушкиного адвоката. Но что еще важнее – он не заварил кофе. Даже намек на это нет.

Мой брат-близнец хорошо меня знает. Логан даже не поднимает головы.

– Надо будет сходить за продуктами, но наша встреча с другими наследниками магазинчика вязания – через полчаса, а до ближайшего магазина – минут двадцать. Но, предупреждая твою истерику – тут через улицу какая-то забегаловка, где точно есть кофе.

Я убираю с лица непослушные волосы.

– Закажи доставку еды. Мы, конечно, застряли в прериях, но мы вовсе не обязаны жить как походники.

– Я не нашел никаких местных служб доставки.

– Логан, если ты хотел меня медленно убить, можно было просто запереть меня в транспортном контейнере и швырнуть его в океан.

– Слишком дорого, – отвечает он, не отрываясь от бумаг. – Но я умираю от голода. Иди собирайся, да побыстрее, а то я уйду без тебя.

Я собираюсь максимально медленно, чтобы выбесить его. Я тщательно делаю укладку и макияж, поскольку так чувствую себя лучше: по крайней мере, мне не кажется, что у меня на лице написано, что я лунатик с *проблемами*.

Я надеваю и наношу на себя все необходимые доспехи, после чего превращаюсь в Лекси Дарлинг, совершенно *нормального* текстильного дизайнера и вполне функциональное человеческое существо.

В обычный день Логан бы давно ушел без меня. Но когда я возвращаюсь на кухню, он еще сидит там. Живое напоминание о том, что прошлая ночь немало походила на тот период, когда мы были детьми, а мои ночные кошмары и тревоги оставляли свою печать... на всем.

Мы, конечно же, не говорим об этом ни слова.

На улице – теплое солнечное утро. Полная противоположность вчерашнего вечера. Я оделась, ожидая ранней октябрьской зимы, а тут практически августовская жара, когда даже собаки валяются на земле, высунув языки. Наверное, я прямо сейчас сварюсь.

– Какого хрена? Почему здесь жарко? – Я свирепо смотрю на Логана.

Он, конечно же, одет в футболку и джинсы. Как будто все знал заранее. Брат пожимает плечами, и жест настолько типичен для него, что я лишь вздыхаю и продолжаю брести следом. Под лучами солнца поросший травой дворик выглядит почти мило. Из коричневых зарослей действительно вы-

глядывает декоративный гномик. А проулок возле вязального магазина больше не напоминает верную дорогу к гибели. Это просто проход между двумя зданиями.

«Я немного психованная».

Мой психотерапевт явно намекает на это, когда общается со мной, но проявляет профессиональную корректность.

А сейчас я стараюсь ни о чем плохом не думать.

Но едва мы подходим к нашей машине, припаркованной на улице, как я снова замечаю жуткую часовую башню. В свете солнца она кажется раскаленной добела, и у меня начинается жечь кожу. Черный циферблат блестит, золотые стрелки сияют.

Что это чудовищное здание делает в непритязательном городке? Я полагаю, что он должен быть похож на все остальные городки в округе, если, конечно, поблизости вообще *есть* таковые. Хотя, судя по нашей вчерашней поездке по шоссе, их здесь явно нет.

Я вспоминаю пустые поля и заброшенные старые фермы и вздрагиваю.

Мы переходим узкую главную улицу, которая в лучах утреннего солнца куда больше напоминает американскую глубинку, чем декорацию к фильму ужасов, хотя, конечно, я из Нью-Йорка, так что легко могу спутать одно с другим. Но зловещие темные здания, от которых я шарахалась накануне, теперь выглядят куда милее. Они все старые, кирпичные, иногда трехэтажные. На нижних этажах находятся ма-

газинчики с большими витринами. Навесы, красивые вывески, старомодные фонарные столбы – не помню, чтобы вчера вечером тут ярко горели фонари, по крайней мере, настолько ярко, как должны.

Повсюду видно, что наступила осень: стога сена, тыквы, пугала, стоящие прямо у дверей.

Я не очень люблю подобный антураж, но, может, я как раз такое заблудившееся пугало ночью и обнаружила?

Прямо через улицу от нашего проулка мы находим закусочную, а в том же здании есть еще и... антикварный магазин. По-моему, у них один и тот же владелец, ну, или, по крайней мере, они работают под одной и той же вывеской с направленными в разные стороны стрелками.

Надпись гласит: «*ЛАВКА БОЛОТНОЙ ЛИСЫ*».

Я не уверена, что хочу знать, что такое болотная лиса, особенно в *Айове* – у меня здешние места ассоциируются отнюдь не с *болотами*. С другой стороны, я вообще мало думала об Айове, чтобы она у меня хоть с чем-то ассоциировалась.

Кстати, я уже вся вспотела, но вовсе не потому, что в плохой физической форме. Я привыкла много ходить. Однако быть одетой не по погоде не привыкла. Я закатываю рукава свитера до локтей и ругаю себя. И почему я связала разноцветный свитер – собственной выкройки – из мериноса и кашемира, причем купила самую толстую пряжу, которую мне удалось отыскать в культовом магазине «Перл Сохо» на

Манхэттене еще до того, как он закрылся!

Внутри не так жарко, но особого облегчения я не чувствую.

– Вайфай! Вайфай благословенный! – восклицает Логан.

В течение прогулки брат не сводил глаз с телефона: для него нет в жизни ничего важнее, чем возможность делать семь тысяч звонков в день.

В зале висит плакат, где объясняется, что посетители должны подождать, пока их рассадят, но Логан его игнорирует – подключает телефон к интернету и забирается в ближайшую кабинку.

– Подожди... – Я тщетно пытаюсь остановить Логана.

Но невысокая официантка с коротко стриженными рыжими волосами, наливающая кому-то кофе в паре столиков от нас, лишь отмахивается. На ее одежде приколот бейджик с надписью «Марлин». Имя ей очень подходит.

– Добро пожаловать, – заявляет она – скорее спокойно, а не добродушно. – Через минутку кто-нибудь к вам подойдет.

Ну конечно! Вот если бы я заявила сюда накануне, Марлин бы меня наверняка с криками и бранью гнала до самой границы штата.

Я сажусь в кабинку и с удивлением обнаруживаю, что она... не липкая. На столе уже лежат меню, я беру одно в руки. Вот оно липкое. Предлагают довольно много блюд на завтрак, а я умираю с голоду. Не настолько, чтобы заказать нечто под названием «Мясной взрыв», но я не отказалась бы

от яиц бенедикт со шпинатом и соусом голландез. Довольно-таки неплохой вариант по сравнению с привычным омлетом из яичных белков и дополнительной порцией овощей.

Но в меню нет ни того ни другого. Раздел «Кофе» оставляет желать лучшего: в забегаловке имеются только дрип-пакеты. С молоком, со сливками и *«пятьдесят на пятьдесят»*. И все.

Я переворачиваю пластиковые страницы, пролистывая фото сомнительного жаркого в горшочках, сырных бомб на гриле, *сэндвичей с рассыпчатым мясом* (что вообще за ужас?)... и добираюсь до самого конца. Потом пролистываю меню еще раз.

– Это же не полное меню, правильно?

– Меня устраивает, – весело отвечает Логан. – А вот и наш официант. Я сделаю заказ вне зависимости от того, готова ты или нет.

Наш официант – не женщина, которая нас поприветствовала, а молодой мужчина. В потертых ботинках, выцветших джинсах и в футболке с изображением проклятущей часовой башни.

Я даже не знаю, как долго глазела на его грудь, прежде чем он это заметил.

Или как долго глазела именно на его грудь, а не на часы.

– Доброе утро, – говорит он тихим, низким, очень интересным голосом. – Что вы хотите заказать?

Этот человек – официант в забегаловке, которая одновре-

менно является антикварной лавкой и как-то связана с лисами в болотах, – просто неоправданно красив. Но выглядит так, словно вообще ни разу в жизни о своей привлекательности не задумался. Джинсы выцвели от времени, а не от химической обработки. Потертость на ботинках – настоящая, а не дизайнерская. Волосы темные. Никаких круглых шапочек или следов похода в барбершоп.

У меня страннейшее желание – *потрогать* его.

А *еще* у него самые зеленые глаза из всех, что я видела в жизни, словно в них соединилась сразу вся весенняя зелень Центрального парка. Они такие яркие, что с ними не смогут соперничать даже сверкающие небоскребы Манхэттена, оза-ренные солнцем.

В общем, этот парень – настоящий *красавчик*. И он не плод моего переутомленного воображения. И дело даже не в том, что меня занесло на бескрайние равнины и я отчаянно тянусь хоть к чему-нибудь, что выглядит не жутко.

Он выглядел бы знойно *где угодно*.

Но я понимаю: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Наши взгляды на секунду встречаются, и что-то меняется. По-моему, он поражен. Глаза – такие зеленые и дикие...

Я на мгновение вспоминаю точеное лицо в окне, которое мне *привиделось*. Убеждаю себя, что это было просто *пугало*, а не он, но вспоминаю линию подбородка...

Парень вздрагивает. Зеленые глаза снова ненадолго задерживаются на мне. Он мрачнеет. Можно подумать, что он пе-

режил крохотное личное землетрясение при виде меня.

Но разве я *что-то* с ним сделала?

Мне будто отвесили пощечину.

После всего, что успело меня расстроить с тех пор, как мы прибыли в Мидас, штат Айова, это кажется незаметной мелочью – но нет. Есть что-то особенное в парне-официанте – суровом, прекрасном и *оскорбленном* моим присутствием. Я опускаю голову, чувствуя смятение, словно я позвала его на свидание и сразу же получила грубый отказ.

Мой брат ничего не замечает. Мужчины...

Логан хочет отведать нелепый «Мясной взрыв», ну а как же иначе? Кстати, в его устах название даже не звучит нелепо. Я решаю, что заказывать еду у прекрасного, разгневанного парня, который явно возненавидел меня с первого взгляда, не стоит, – зачем, если я могу просто стащить что-нибудь с тарелки Логана и сказать, что так и было.

Я смотрю на официанта с патентованной улыбкой Лекси Дарлинг, которая *всегда* работает. Она приносила свои плоды даже в общении со злобными вышибалами – в те дни, когда я еще тусовалась по клубам.

Он бесстрастно смотрит в ответ. Точнее, это можно было бы счесть за *бесстрастность*, если бы я не видела, как потемнели его глаза.

Наверное, у него аллергия на перегревшихся русоволосых девушек с мешками под глазами, которые не может скрыть никакой даже самый дорогой макияж. Или вдруг он вчера

вечером обнаружил, как я семеню по проулку с таким видом, что меня сейчас убьют? Если, конечно, я именно его лицо видела в окне. Трудно сказать.

– Знаю, альтернативного молока нет в меню, но...

– У нас нет никакого молока, кроме того, что получают прямо из коровы, – перебивает он низким, резким голосом, который обдает все мое существо.

Мне становится еще жарче в свитере. Как неприятно. Особенно учитывая, что я собиралась попросить омлет из яичных белков, а про нестандартную добавку в кофе у меня как-то случайно вырвалось.

Но, похоже, он решил выговориться, вообще меня *не слуша*я.

– И мы готовим только обычный кофе в обычном кофейнике. Если хотите что-то с итальянским названием, идите в «Старбакс».

Я обдумываю его предложение.

– Здесь есть «Старбакс»?

– В нескольких часах езды на машине, – отчеканивает он таким приказным тоном, словно я должна прямо сейчас сесть в машину и уехать отсюда подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.